

ДЖОРДЖ ГЕРБЕРТ МИД

ПРИРОДА ПРОШЛОГО*

***Аннотация:** Философское исследование природы прошлого у Мида тесно связано с его концепциями настоящего, реальности и опыта. В этой статье прошлое рассматривается как присутствующее в человеческом опыте. Прошлое соотносится с настоящим, с его непрерывностями и прерывностями, обуславливаниями и возникновениями, тождествами и новизной. Автор приходит к заключению, что прошлое принадлежит обобщенной форме опыта и состоит из связей предшествующего мира с возникающим делом (выходящим за границы настоящего), и эти связи возникают вместе с этим делом.*

***Abstract:** Mead's philosophical investigation into the nature of the past is closely connected to his conceptions of the present, of reality and experience. In this paper the past is treated as present within human experience. The past is related to the present with its continuities and discontinuities, conditionings and emergences, identities and novelties. The author comes to conclusion that the past belongs to a generalized form of experience and consists of the relations of the earlier world to an emergent affair (which goes beyond the present), and these relations emerge with the affair.*

***Ключевые слова:** прошлое, настоящее, мнимое настоящее, опыт, непрерывность, возникновение, новизна, история.*

***Keywords:** the past, the present, specious present, experience, continuity, emergence, novelty, history.*

Настоящее – не прошлое и не будущее. Разграничение, которое мы проводим между ними, очевидно, фундаментально. Если бы мы расширили мнимое настоящее так, что оно охватило бы, как предлагает Уайтхед, больше событий, вобрав в себя некоторую часть прошлого и, предположительно, часть будущего, то включенные таким образом события принадлежали бы не прошлому и будущему, а настоящему. Верно, что в этом настоящем что-то происходит. В длительности есть протекание, но это протекание в настоящем. Прошедшее возникает с памятью. Мы присоединяем к заднему пределу настоящего памятные образы того, что произошло только что. Точно так же мы имеем образы слов, которые собираемся произнести. Мы пристраиваем с обоих концов. Но эти образы присутствуют в настоящем. Предположение Уайтхеда, что придание этим образам достаточной живости расширит мнимое настоящее, бьет мимо цели. Никакой образ памяти, даже яркий, не был бы ничем иным, кроме как образом памяти, т.е. всего лишь заменителем того, что было или будет сказано.

* Перевод сделан по источнику: Mead G.H. *The Nature of the Past* // Coss J. (ed.). *Essays in Honor of John Dewey*. – N.Y.: Henry Holt & Co., 1929. – P. 235-242. Публикуется в авторской редакции переводчика.

Действительное протекание реальности заключено в перетекании одного настоящего в другое, где только и есть реальность, а настоящее, слившееся с другим настоящим, не является прошлым. Его реальность — всегда реальность настоящего. Прошлое, как оно предстает, явлено в виде разного рода репрезентаций, обычно в виде образов памяти, которые сами по себе — настоящее. Неверно полагать, что то, что прошло, находится в прошлом, ибо ранние стадии движения, располагающиеся в мнимом настоящем, не являются прошлым. Они принадлежат к чему-то, что происходит прямо сейчас. Различие между настоящим и прошлым, очевидно, заключает в себе нечто большее, чем протекание. Существенным условием является включение его в некоторое настоящее в этой репрезентационной форме. Протекание, как оно происходит в опыте, — это наложение одного мнимого настоящего на другое. Есть непрерывность опыта, и это непрерывная преемственность настоящих. В этой непрерывности опыта есть различие случающегося. Есть направленность. Есть зависимость, или обусловленность.

Происходящее вытекает из происходящего. Не только имеет место следование, но есть и последовательность содержаний. То, что происходит прямо сейчас, было бы иным, если бы ранние стадии происходящего были иного характера. Это всегда протекание чего-то. Всегда есть некий характер, связывающий разные фазы протекания; ранняя стадия происходящего — условие последующей стадии. Иначе не было бы никакого протекания. Простая рядоположенность событий, если бы ее можно было помыслить, не образовала бы протекания. Такая связность заключает в себе как тождество, так и различие, и она предполагает в идентичности нечто такое, что создает условие для того, что следует дальше. Текущее положение движущегося тела обуславливается тем, которое ему предшествовало. Непрерывность заключена в протекании опыта как его предпосылка.

Хотя, по видимости, бывают внезапные сдвиги, за ними мы усматриваем непрерывные протекания, внутри которых эти сдвиги могут быть разрешены в непрерывности. Пространственно-временные связи, которые эти непрерывности выражают, включают в себя обуславливание любой пространственно-временной позиции предшествующим набором позиций. Это обуславливание не является полной детерминацией, но условия, заключенные в непрерывности протекания, необходимы. То, что является новым, может возникнуть, но есть условия этого возникновения. Именно это обуславливание и составляет качественный характер прошлого, в отличие от простого протекания. Простое протекание означает исчезновение, и в этом смысле оно негативно. Обусловленность, рассматриваемая в пространственно-временном плане, есть необходимость непрерывности связи в пространстве-времени и свойств, зависящих от пространства и времени, таких как скорости и импульсы. Прерывное является новым. Когда прикладывается сила, отвечающая за ускорение, импульс, к которому эта сила прикладывается, может быть, что касается его появления, возникновением из непрерывного прошлого, но пространственно-временные непрерывности задают условия для ускорений, простирающихся из приложения этой силы.

Есть и другие непрерывности, которые мы ищем наряду с непрерывностями пространства-времени. Это непрерывности так называемых единообразий природы. Включение любых двух последовательных событий и их свойств, какими бы случайными они ни казались, в непрерывность происходящего выражает себя как несущее некоторую обусловленность их появления в непрерывности, в которой они прояви-

лись. Физические науки втаскивают эту обусловленность, насколько возможно, в пространственно-временную форму. Они пытаются так сформулировать эти два события, что сам факт того, что одно происходит в определенном месте и в определенное время, в некоторой степени определяет то, что за ним следует. Идеал подобного представления — уравнение между ситуацией в один момент и ситуацией в следующей. Мы стремимся к такому утверждению, чтобы простое протекание опыта определяло то, что происходит. Там, где это удается сделать со всей строгостью, мы достигаем того, что Уайтхед называет аристотелевскими определениями (adjectives) событий, а там, где невозможно представить события так, что непрерывность протекания определяла бы то, что произойдет, мы имеем, в его терминах, псевдо-определения события. Но то, что непрерывности пространства-времени несут в себе условия происходящего, есть фундаментальная предпосылка опыта. Порядок, в рамках которого вещи происходят и появляются, обуславливает то, что произойдет и появится.

Именно здесь мы находим функцию прошлого, возникающего в памяти и записях прошлого. Образы — это не прошлое, они присутствуют в настоящем. Расположение этих образов во временном порядке возлагается на то, что мы называем нашими ментальными процессами. Мы втянуты в расширение назад того, что происходит сейчас, так чтобы шаги, которые мы предпринимаем, были последовательным продвижением к целям нашего поведения. То, что образы памяти содержат в себе качества, обычно идентифицирующиеся как принадлежащие прошлому, несомненно, верно, и эти качества кажутся зачастую независимыми от их места в непрерывном порядке. Лицо или пейзаж могут вспыхивать перед внутренним взором с явственной очевидностью прошлого опыта, хотя мы можем испытывать серьезные трудности с их размещением. Очевидность необязательно непосредственна. Есть виды образов, которые принадлежат нашему прошлому, и мы уверены в них, потому что они хорошо в него укладываются. И есть виды образов, выдающие работу воображения. Память можно опознать как таковую методом исключения, поскольку она не похожа на фантазию, поскольку мы не можем объяснить ее иначе. Уверенности, которые мы вкладываем во вспоминаемое событие, происходят из структур, с которыми они согласуются.

Что же тогда служит непосредственным поводом для выстраивания этих мнимых настоящих в прошлое? Сами эти настоящие перетекают одно в другое благодаря процессу наложения. Между ними нет никакого разрыва, разве что в условиях, которые можно назвать патологическими. Но мы не встраиваемся в прошлое, чтобы просто сохранить непрерывность, т.е. заполнить разрывы в реальности. Очевидно, что нам нужно достраивать что-то недостающее в происходящем. Диапазон того, что нас занимает, шире, чем диапазон мнимого настоящего. «Что это» имеет временной диапазон, выходящий за рамки нашего опыта. Это очень очевидно в прошлых, которые мы с собой носим. Это по большей части мысленные конструкты того, что, по сути, содержится в настоящем, и в них вписан очень небольшой материал образов памяти. Эта память в некотором роде проверяет и удостоверяет структуру. Мы, должно быть, встали, позавтракали и сели в машину, чтобы быть там, где находимся. Смысл этого прошлого присутствует как бы по умолчанию, и кусочки несовершенных сцен являются по запросу — а иногда отказываются появиться. Но даже в последнем случае мы не чувствуем, что прошлое потеряно.

Можно сказать, что существование в опыте дел, выходящих за рамки наших настоящих, и есть то самое прошлое, которое мы обсуждаем, и это так, и именно это я

пытаюсь сделать очевидным. Прошлое — это переполнение настоящего. Оно задается из настоящего. Оно сродни, с одной стороны, нашим спасительным фантазиям, в которых мы перестраиваем мир в согласии с желаниями своего сердца, а с другой — отбору того, что является значимым в непосредственной ситуации, тем значимым, которое должно быть удержано и реконструировано; но решающее его свойство — это оттеснение обуславливающих непрерывностей настоящего. Прошлое — это то, что должно было быть до того, как оно предстает прошлым в опыте. Прошлый триумф бесконечно превосходит спасительную фантазию, и он изнашивается, прежде чем мы находим прибежище в царстве воображения; но, если точнее, прошлое — это надежное расширение, которого требуют непрерывности настоящего.

Изображение его, которое дает Бергсон, как мне кажется, искажает и его характер в опыте, и его функциональный характер: это картина огромного и все нарастающего скопления «образов», от которого наша нервная система защищает нас с помощью своих избирательных механизмов. Настоящее не несет с собой такого бремени. Оно перетекает в другое настоящее с эффектами прошлого в своих текстурах, а не с ношей собственных событий на своей спине. И как бы мы ни описывали наши жалкие образы, они отмечены тем, что подчеркивал сам Бергсон, — функцией наполнения восприятий настоящего. Это не свидетельствует о богатстве материала, о котором твердит Бергсон. Он трудновосстановим и разочаровывает в деталях. Образы играют в прошлом ту же роль, что и в настоящем, предоставляя что-то, что делает возможной конструкцию.

Неизбежность существующего выдается в его непрерывности. То, что следует, вытекает из того, что было. Если есть непрерывность, то, что следует, обусловлено тем, что было. Полный разрыв между событиями устранил бы характер неизбежности. Элиминация непрерывности — суть атаки Юма на причинность. А восстановление непрерывности в протекании — суть второй Кантовской дедукции категорий. Если бы происходила чистая замена одного опыта другим, то опыт не был бы опытом протекания. Это были бы разные опыты, каждый из которых был бы завершенным в самом себе, но без связи, без возможности перехода в другой. Даже геометрическое доказательство предполагает переход от одного положения к другому. Окончательная структура — это вневременное дело, в том смысле, что это завершенная структура, которая теперь не имеет отношения к протеканию, благодаря которому она возникла. Любое протекание неизбежно, поскольку ранние этапы обуславливают более поздние достижения, а доказательством этого будет показ непрерывности протекания. Однажды выбранный, один путь так же неизбежен, как и другой. Детские причудливые перемещения фигур на шахматной доске так же неизбежны, как и игра эксперта. В одном случае неизбежность демонстрируется психологом, в другом — логиком. Непрерывность в протекании событий — вот что мы имеем в виду под неизбежным.

Но чистую непрерывность нельзя ухватить в опыте. В каждом мгновении опыта есть привкус новизны. Кант пришел к этому с помощью *Mannigfaltigkeit der Empfindungen*, неупорядоченного чувственного содержания, которое становится опытом, когда размещается в формах рассудка. Без этого разрыва в непрерывности непрерывность была бы неуловима. Одно только содержание слепо, одна только форма пуста, и опыт в обоих случаях невозможен. И все же пропасть между ними у Канта иллюзорна. Непрерывность всегда имеет какое-то качество, но как только настоя-

щее перетекает в настоящее, всегда есть некоторый разрыв в непрерывности — внутри непрерывности, но не самой непрерывности. Разрыв обнаруживает непрерывность, а непрерывность — это фон новизны.

Воспоминание о неожиданном появлении, казалось, далеко находившегося друга или воспоминание о землетрясении никогда не сможет восстановить особый привкус этого опыта. Я помню, что был разрыв, который теперь связывается с теми самыми фазами опыта, которые ранее не были с ним связаны. Мы вспоминаем радость или страх, но делаем это на фоне континуума, чья прерывность была залечена. Что-то происходило — нарастающий гнев титана или корректировка внутренних давлений земли, и итогом стало нечто неожиданное; но это не был первоначальный опыт, когда не было связи между событиями до происшествия и тем, что вдруг возникло. Даже если в памяти не возникает качественной причинной связи, пространственно-временная связь должна в ней развиться, так как мысль или воображение могут ее воссоздать.

Реинтеграция прошлого никогда не сможет вернуть неожиданное. Это просто образ (character) прошлого, в отличие от перетекания настоящих друг в друга. Первичный разрыв новизны в протекании пропал, и перед умом стоит проблема соединения контингентных факторов, хотя это может не выходить за рамки гнетущего чувства шанса или судьбы. Образ прошлого работает, связывая то, что не связано в перетекании одного настоящего в другое.

Соответствующий характер будущего еще очевиднее. Новое уже есть в настоящем и внесло в непрерывность разрывы, которые мы должны исправить, чтобы достичь приближения к определенности в будущем. Следовательно, возникающее будущее имеет гипотетический характер. Мы можем проследить пространственно-временные непрерывности, приводящие в него, и менее строгие непрерывности других единообразий, но особые стороны, которые они примут, зависят от корректировок, которые вызовет настоящее с его новшествами. Образы, идущие из непрерывностей прошлого, такие как заключительные слова в предложении, которое мы проносим, или дом за углом, к которому мы приближаемся, подводят нас к неизбежному, но мы можем разорвать дискурс, и взрыв может отправить нас по другому пути. Неизбежные непрерывности принадлежат структуре гипотетических планов предстоящего нам действия.

Что можно сказать теперь об этих прошлых и будущих, когда мы ищем их вне человеческого опыта, с точки зрения которого мы их рассматривали? Во-первых, мы можем сказать, что единственные прошлые и будущие, которые мы ищем, возникают в человеческом опыте. У них также есть крайняя изменчивость, присущая человеческим начинаниям. Каждое поколение переписывает свою историю, и его история — единственная история мира, которая у него есть. В то время как научные данные поддерживают некоторое единообразие в этих историях так, что мы можем идентифицировать их как данные, их значение зависит от структуры истории, которую записывает каждое поколение. Нет никакой текстуры данных. Данные — это абстракции от вещей, и они должны получить свое место в конструктивных прошлых человеческих сообществах, прежде чем смогут стать событиями. Заманчиво показать это на примере меняющихся историй, которые наше нынешнее поколение построило для своей среды обитания, включая всю вселенную, насколько оно было в состоянии ее исследовать, но этот феномен слишком очевиден и паразителен, чтобы требовать

иллюстрации. Каждое продвижение в интерпретации спектроскопических наблюдений звезд, каждое продвижение в теории атомов открывает дверь новым отчетам о тысячелетиях звездной истории. В настоящее время они соперничают с быстро меняющимися историями человеческих сообществ. Неизменные и вечные небеса существуют только в риторике. Мельчайшие сдвиги в линиях спектра или показаниях спектроскопа могут добавить или вычесть миллиарды лет жизни звезд.

Убедительность этих прошлых зависит от непрерывностей, конституирующих их структуру. Эти непрерывности в протекании составляют суть неизбежности, и когда мы чувствуем непрерывность, мы достигаем безопасности, коей мы ищем. Ошибочно полагать, что безопасность зависит от формы непрерывности. Ведь для Псалмопевца единственной формой непрерывности, дающей безопасность, была форма Холмов Вечных, а для греков — Неизменные Небеса. Мы находим больше безопасности в законах звездной эволюции, потому что она связывает непрерывности атомов с непрерывностями звезд. Непрерывности процесса более универсальны, чем непрерывности структуры. В частности, мы отмели космический и метафизический разрыв между неизменными небесами и зависящей от обстоятельств землей. Античная метафизика разводила два нераздельных компонента протекания — непрерывное и эмерджентное. Доктрина эволюции стерла скандал в этом союзе, из которого возникают все объекты опыта. Нет более разительного контраста в истории мысли, чем контраст между той собирающей безопасностью, с которой мы контролируем события, быстро перестраивая наши истории — раскрывающие наши надежные непрерывности, когда мы вытягиваем их в их предполагаемые прошлые, — и беспомощностью древней и средневековой мысли, находившей непрерывность только в неизменном порядке и безвозвратном прошлом.

Отсюда вывод, что нет истории настоящих, вливающих одно в другое с их эмерджентными обновлениями. Прошое, которое мы конструируем с точки зрения новой проблемы сегодняшнего дня, основывается на непрерывностях, которые мы обнаруживаем в том, что возникло, и оно служит нам до тех пор, пока нарастающая новизна завтрашнего дня не потребует новой истории, интерпретирующей новое будущее. Все, что возникает, имеет непрерывность, но только когда оно возникает. Если бы мы могли связать настоящие как настоящие, то представили бы условия, при которых могло возникнуть новое, но не вывели бы из этого, что именно возникало. Из обнаруженных непрерывностей того, что возникло, со всем произошедшим до этого мы можем реконструировать его — в будущем, и поле для этой реконструкции мы получаем, вытягивая назад в истории новообретенные непрерывности. В рамках наших ограниченных настоящих наши истории дают нам простор, позволяющий справляться с постоянно меняющимся потоком реальности.

Если новое возникает, то в нем не может быть истории непрерывности, составной частью которой оно является, хотя, когда оно уже возникло, непрерывности, которые оно делает видимыми, могут позволить нам установить последовательность событий, в которой оно появляется. Допустим, возникла жизнь. В подлинном смысле, условия, делающие возможным это возникновение, детерминируют ее появление. Она не могла появиться раньше этих событий. История жизни свяжет ее с этими событиями, которые теперь стали ее условиями, но прежде не были таковыми, поскольку не было жизни, которая сделала бы эти события условиями жизни. Установление связи между событиями, ставшими условиями, и возникающей жизнью —

это установление непрерывности между миром до жизни и самой жизнью, что до появления жизни было немыслимо, подобно тому, как человек устанавливает в своей памяти непрерывность между моментом до того, как произошло землетрясение, и самим землетрясением, которое своей неожиданностью не допускало в происходящем такой связи. Прошлое, таким образом, принадлежит обобщенной форме опыта. Это возникновение связей между возникающим и обуславливающим миром. Любой организм, взятый в самом широком смысле, как у Уайтхеда, поддерживает себя посредством связей, которые, простираясь как назад, так и вперед, конституируют историю мира, но, очевидно, он возникает только с появлением того, что придает миру это значение (value). Прошлое состоит из связей предшествующего мира с возникающим делом (affair) – из связей, которые, следовательно, возникли вместе с этим делом.

Перевод Н. Нама под ред. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 16.05.2021 г. (№ 2432)